

В. Н. СКАЛОН

Кафедра охотоведения.

Л. И. ШИМШЕЛЕВИЧ

Кафедра марксизма-ленинизма.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА

Марксистская разработка вопросов экономики и организации охотничьего хозяйства имеет важнейшее значение в деле дальнейшего развития этой отрасли сельскохозяйственного производства, преодоления отставания охотхозяйственного производства в нашей стране.

Однако, теория охотничьего производства, особенно вопросы ее экономики и организации, находятся в чрезвычайно запущенном состоянии. Достаточно сказать, что довольно обширная литература об охоте в подавляющей части состоит из статей и брошюр, посвященных частным, преимущественно биологическим вопросам. Совершенно нет книг по экономике охотничьего хозяйства, а вопросам его организации на современном уровне посвящена только брошюра одного из авторов данной статьи: В. Н. Скалон, «Организация охотничьего хозяйства Сибири», Иркутск, 1957 г.

Неудивительно, что при таком недостатке печатных работ по основным вопросам экономики и организации охотничьего хозяйства, данная книга, не лишенная отдельных недостатков и отнюдь не претендующая на утверждение основ отрасли в целом, тем более вопросов теоретической экономики, вызвала обильные отклики. До сих пор в газетах и журналах опубликовано более 10 рецензий разных авторов, преимущественно работников

производства. Одной из таких рецензий является статья кандидата экономических наук С. Караева «За правильную марксистскую разработку вопросов экономики охотничьего хозяйства» (журнал «Охота и охотничье хозяйство», № 8, 1958 г.).

Автор этой статьи пытается поставить и разрешить основополагающие вопросы экономики охотничьего производства в нашей стране. Нельзя не приветствовать стремления С. Караева марксистски обосновать некоторые основные вопросы теории охотоведения. В этом давно ощущается необходимость и надо со всей серьезностью рассмотреть на сколько это удалось С. Караеву.

С. Караев считает, что в охотхозяйственном производстве существует полное благополучие, что оно в состоянии обеспечить растущие потребности страны в охотничьей продукции, стоит только устранить некоторые недостатки, в основном имеющие технико-биологический и организационный характер.

Основное, на что делает упор С. Караев, это утверждение, что все охотничье производство в нашей стране, в том числе и индивидуальный охотничий промысел является социалистической формой хозяйства. В другой своей статье, помещенной в «Спутнике промыслового охотника» (М. 1954 г.) он писал, что «в настоящее время в нашей стране создано крупное охотничье хозяйство» (стр. 15), при чем «механизация охотничьего хозяйства в СССР охватывает не только процессы добычи диких животных, но и процессы их воспроизводства» (стр. 13).

К сожалению, факты говорят о другом. До сих пор повсюду в нашей стране охотничье-хозяйственные предприятия являются не правилом, а исключением и занимают небольшую часть площади охотничьих угодий. Кроме того, предприятия эти в виде «промхозов» потребкооперации только еще создаются. Что касается механизации нашего охотничьего хозяйства, то оно не далеко ушло от того, что было 20—30 лет назад, а то, что она распространилась на процессы воспроизводства, очевидно, никому кроме С. Караева неизвестно.

В действительности охота, как отрасль материального производства в СССР, неоднородна как со стороны своей технической базы, так и со стороны общественно-

экономических форм хозяйствования. Здесь, наряду с социалистическими формами хозяйства (государственные и кооперативные, включая колхозы), имеются различные переходные к социалистическим формам (колхозные бригады без обобществления труда и доходов, так называемые «бригады» охотников заготконтор), которые можно назвать полусоциалистическими. Кроме того, в этой отрасли еще большое место занимают отдельные охотники, осуществляющие охотничий промысел индивидуально. Индивидуальный промысел мы никак не можем признать социалистическим.

С. Карасв утверждает, что индивидуальный охотничий промысел есть социалистическая форма хозяйства. В доказательство он приводит следующие аргументы: индивидуальный промысел осуществляется в угодьях, принадлежащих государству и, следовательно, базируется на общественной собственности; охотники выполняют государственные планы и получают вознаграждение в виде оплаты продукции по государственным ценам; ими руководят заготовительные организации, с которыми они заключают договоры; отсутствует эксплуатация охотников; «индивидуальный промысел охотников—форма социалистической кооперации труда».

Однако, все эти аргументы не выдерживают критики. Рассмотрим их более обстоятельно.

1. Государственная собственность на охотугодья. Марксизм-ленинизм требует различать землю (а это целиком относится и к охотугодьям) как собственность и землю, как объект хозяйства, условие труда. Социально-экономическая природа хозяйства определяется, главным образом, не собственностью на землю, а характером использования земли как объекта хозяйства. При государственной собственности на землю хозяйства, ее использующие, могут быть не только частными, но даже капиталистическими. В переходный период к социализму в нашей стране в сельском хозяйстве преобладало мелко-товарное крестьянское хозяйство; имели место и кулацкие хозяйства (частно-капиталистический сектор); хотя земля являлась государственной собственностью и никому не приходило в голову называть эти хозяйства социалистическими по причине использования ими государственной земли. И, наоборот, хозяйство может быть

социалистическим при наличии частной собственности на землю. В некоторых странах народной демократии в сельскохозяйственных кооперативах еще сохраняется частная собственность на землю членов кооператива, тем не менее эти хозяйства используются самими кооперативами. Поэтому грубой ошибкой является утверждение, что хозяйства, использующие государственные охотугодья, «базируются на общественной собственности» и выдвигать это как важнейший аргумент социалистической природы таких хозяйств.

2. «Вознаграждение» охотников за продукцию по государственным ценам. Своей фразой о «вознаграждении» охотников С. Караев стремится создать видимость оплаты труда охотников, и, следовательно, социалистического принципа распределения. Однако, за странным термином «вознаграждение» скрывается в действительности не оплата труда, а продажа государству продукции, являющейся собственностью индивидуального хозяйства. То, что эта продукция продается не на «вольном» рынке, а государству по строго установленным государственным ценам, никак не может служить основой для утверждения о «вознаграждении» (оплате труда).

3. «Индивидуальный промысел форма социалистической кооперации труда» (стр. 23). Утверждать, что индивидуальный (!) промысел есть форма социалистической кооперации труда, это значит не только слишком вольно обращаться с категориями политической экономии, но и иметь большую фантазию.

Пытаясь «подвести базу» под свое утверждение, что индивидуальный промысел «форма социалистической кооперации труда», С. Караев пишет: «Индивидуально добывая зверей и птиц, охотники-отходники объединены единым руководством заготовительных организаций, направляющих их деятельность и координирующих их трудовые усилия для выполнения установленных государственных планов заготовок охотничьей продукции» (стр. 23). Если бы этот автор был сколько-нибудь знаком с действительным положением дела, то не мог бы не знать, что все это есть плод его фантазии. «Руководство» заготовительной организации по отношению к охотникам не выражается ни в чем. Количество добычи, заносимое в договор, не обуславливается ничем, кроме

личного мнения охотника. Охотник охотится где придется, совершенно не неся никакой ответственности за выбор места и порядок использования госохотфонда. Если он даже добывает больше лицензируемых видов, чем имеет лицензий, это не имеет никаких последствий, ибо, зачастую никто охотника не проверяет. Более того, добывая соболей сколько кто может, охотники или оставляют их на будущий год, или получают лицензии дополнительно, так как имеется обычай «перебрасывать» лицензии из района в район по мере надобности, что сводит к нулю самый принцип лицензионной системы. Не будучи в состоянии контролировать деятельность охотников, заготовительные организации не осуществляют никакой «координации их трудовых усилий», как напыщенно выражается С. Караев. Они делать этого не могут хотя бы потому, что специалисты—охотоведы в заготовительных организациях насчитываются единицами, а все дело ведут заготовительные работники. Индивидуальный промысел сплошь и рядом становится хищническим, так как прилежащие к населенным пунктам угодья опустошаются, удаленные осваиваются очень мало, происходит заметное сокращение заготовок белки, горностая, ондатры и других видов.

4. Отсутствует эксплуатация охотников. Само по себе отсутствие эксплуатации никак не может служить доказательством социалистической природы индивидуального промысла. Известно, что мелкочастное производство в чистом виде не предполагает эксплуатации наемного труда, что никак не делает его социалистическим хозяйством. Кроме того, индивидуальный охотпромысел не гарантирует от возможности в отдельных случаях появления элементов наемного труда и эксплуатации.

В СССР до коллективизации сельского хозяйства многие крестьянские хозяйства заключали договоры с государственными организациями и предприятиями по контрактации определенной сельскохозяйственной продукции. Если следовать С. Караеву, то эти крестьянские хозяйства являлись социалистическими в силу того, что они работали на государственной земле, продукцию сдавали государству по государственным ценам, выполняли определенный план по договору и никем не эксплуатировались. Конечно, сравнение одиночных крестьян-

ских хозяйств прошлого с индивидуальным промыслом охотников условно, но оно дает возможность правильно методологически подойти к изучаемому вопросу.

Следующий вопрос, который надо рассмотреть, это планирование. В. Н. Скалон в своей книге писал: «..охотничий промысел как примитивная, построенная на случайностях форма использования природных ценностей, планированию не поддается. Непонимание этого факта — одна из причин фактически полного отсутствия планового начала в деятельности наших организаций, ведущих использованием госохотфонда» (стр. 69—70). Восставая против этого положения, С. Караев пишет: «Ошибки планирования нельзя возводить в закономерность и требовать поэтому отказа от планового руководства охотничьим промыслом» (стр. 24). Но ведь никто «отказа от планового руководства» вовсе и не требует. Это лишь домысел С. Караева, но дело не в этом.

«Доказав», что индивидуальный промысел является социалистической формой хозяйства, Караев силится теперь доказать, что промысел этот ведется на основе социалистического планирования. В качестве аргумента в его статье формулируется следующий тезис: «В Советском Союзе промысел развивается в соответствии с экономическими законами социализма, среди которых одним из важнейших является закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Именно это и позволяет планомерно вести в нашей стране промысел охотничьих зверей и птиц» (стр. 24). Очевидно С. Караев думает, что если в экономике страны действует закон планомерного развития, то, следовательно, всё и вся ведется в плановом порядке. В действительности этот закон дает только возможность планирования, а для превращения этой возможности в действительность требуется наличие крупного социалистического производства, которому закон планомерного развития присущ внутренне, вытекает из общественно-экономической природы этих хозяйств. Присуще ли планомерное развитие индивидуальному промыслу? Можно ли назвать подлинным планированием те задания, которые выполняют эти промысловики по договору?

Если бы С. Караев имел представление, что происходит в настоящее время в охотничьем деле, то, возможно,

понял бы, что принимает желаемое за действительность. В самом деле, пушные заготовки планируются сверху, вне связи с данными о количестве охотничьих животных и размерами осваиваемых угодий. Берутся во внимание только данные заготовок предшествующего года, которые вовсе не являются надежным показателем. Будучи спущены сверху, планы заготовок механически развертываются по районам, что является лишь видимостью планирования. Повсюду господствует обезличка в пользовании охотничьими угодьями и самое их освоение в ряде случаев хаотично. В целом они используются не более чем на 50 процентов, причем степень освоения никак не соответствует действительным запасам животных. Организации, ведущие охотой, не в состоянии бороться с широко распространенным браконьерством.

Ликвидировать указанные недостатки в использовании государственного охотничьего фонда можно только при повсеместной организации общественного охотничьего хозяйства, которому внутренне присущ плановый характер развития.

Из сказанного следует, что считать однородными в социально-экономическом отношении все виды охотничьего производства мы не имеем права. Наряду с социалистическими формами охотхозяйства (государственные и кооперативные предприятия) и переходными к ним (охотбригады колхозов и потребкооперации) имеется пока еще, к сожалению, индивидуальный охотничий промысел. Чем же все-таки является индивидуальный охотпромысел с точки зрения общественно-экономической формы хозяйства? Нам представляется, что эти хозяйства являются личными, если охотпромысел ведется колхозником-отходником, рабочим или служащим и является для него побочным источником получения дохода (своеобразное личное подсобное хозяйство), или частными, когда этот промысел является главным и основным источником доходов данного хозяйства, или когда промысел ведется единоличником. Таким именно и является в действительности индивидуальный охотничий промысел и сколько бы мы ни сочетали его с термином «социалистический», он не станет от этого таковым.

Думается, что заблуждения С. Караева есть резуль-

тат чисто схоластического метода разработки указанных вопросов.

Мы считаем, что, борясь за правильную марксистскую разработку вопросов экономики охотничьего хозяйства, недостаточно кабинетных домыслов, а следует хотя бы в какой-то степени ознакомиться с производством, с действительным уровнем хозяйствования в этой области.

Неблагополучие в охотничьем производстве нужно искать не в технических недостатках организации этого дела, а в наличии индивидуального охотничьего промысла, который не дает возможности поставить охоту на базу крупного расширенного воспроизводства, ведущегося научно. Для того, чтобы резко увеличить объем производимой охотничьей продукции и снизить ее себестоимость при одновременном возрастании запасов охотничьих животных, надо решительно ставить вопрос о переводе всего охотничьего производства на основу крупного социалистического хозяйства.

Мы считаем, что наряду с дальнейшим увеличением количества государственных охотничьих хозяйств и хозяйств потребкооперации необходимо всемерно развивать охотничье хозяйство в таежных колхозах. В таких колхозах охота пока является побочным занятием отдельных колхозников, а все усилия и средства направлены на развития земледелия и животноводства, для чего порою нет благоприятных естественных и экономических условий. Для этих колхозов необходимо сделать главной отраслью охотничье хозяйство, разработать научно-обоснованные нормы затрат труда и прогрессивные способы денежной оплаты труда колхозников. Земледелие и животноводство в таежных колхозах должны удовлетворять главным образом внутренние потребности хозяйства.

Все эти меры дадут возможность поставить охотничье производство на прочную базу социалистического расширенного воспроизводства и значительно увеличить количество производимой ценнейшей охотничьей продукции.

Дикие животные существовали в охотничьих угодьях всегда в том или ином количестве и запас их считался неисчерпаемым. Поэтому в царской России охотники занимались лишь добыванием животных, несколько не заботясь об их воспроизводстве. Это, как известно, привело к почти полному исчезновению на территории России многих ценных животных: соболя, бобра, лося, выхухоли и других.

Социалистическое охотничье хозяйство превратилось из хищнической добывающей отрасли в производящую, в которой производственный процесс включает не только добывание животных, но и их выращивание, свойственными для данной отрасли методами. Промысел или добывание животных является завершающей частью процесса производства—таким путем в охотничьем хозяйстве снимают урожай и получают продукцию в виде пушнины, мяса и прочего.

К. Марке относил охоту к добывающей промышленности, но наряду с тем он писал: «Животные и растения, которых обыкновенно считают продуктами природы, в действительности являются продуктами видоизменений, совершившихся на протяжении многих поколений под контролем человека, при посредстве человеческого труда.»*

В социалистическом охотничьем хозяйстве проводится большая работа по воспроизводству животных, регулированию их численности, созданию наиболее благоприятных условий обитания, питания и т. д. Дикие животные не дары природы, на их воспроизводство затрачивается труд. Поэтому они являются продуктами человеческого труда.

Труд людей, занятых в охотничьем хозяйстве и поставляющих государству пушнину и другую продукцию, не может рассматриваться как индивидуальный личный труд. Он имеет ярко выраженный общественный характер, также как и во всех других отраслях социалистического производства.

Но применяемая система оплаты труда, охотников, действующая система договоров на сдачу пушной продукции, неустойчивые организационные формы охотхозяйственных предприятий затупивают истинную кар-

* К. Марке «Капитал». Том I, стр. 188. Госполитиздат, 1952 год.

гну и создают видимость индивидуального труда людей, добывающих диких животных не как продукты общественного труда, а как дары природы.

Дикие животные, обитающие в охотничьих угодьях, согласно Советской Конституции являются всенародным достоянием. Шкурки пушных зверей по закону принадлежат всему народу и подлежат обязательной сдаче их охотниками государству через заготовительные организации.

В соответствии с существующими в нашей стране правилами охоты, любой гражданин, достигший определенного возраста, оплатив государственную, чрезвычайно мизерную пошлину и имея охотничий билет, может заниматься охотой. Заключив договор с заготовительной организацией, он сдает ей пушнину, получая в обмен определенную сумму денег в соответствии с действующими заготовительными ценами.

В нашей стране применяются единые повидовые заготовительные цены на пушнину, устанавливаемые с учетом товарных свойств шкурки (кряж) и ее качеством (сорт, размер, дефект). Для отдельных районов, главным образом северных, с целью повышения уровня жизни населения их, государство устанавливает более высокие цены.

Но, как мы указывали выше, социалистическое охотничье хозяйство не ограничивается лишь добыванием, этому завершающему процессу предшествует процесс выращивания животных.

Среди охотников есть категория производителей. Это штатные охотники заготовительных организаций и колхозники, члены сельскохозяйственных артелей, для которых охота является главной или одной из главных отраслей колхозного производства.

Производители, существуя охотой, материально заинтересованы в сохранении ежегодной постоянной численности животных. Поэтому они проводят на закрепленных охотничьих участках в большей или меньшей степени охотхозяйственные и охотустроительные мероприятия, направленные не только на регулирование численности охотфауны, но и на ее воспроизводство.

Есть среди охотников и такие, которые не работая нигде на производстве, в течение некоторого времени в

году занимаются охотой, получая таким путем значительный доход. Эта группа охотников не заинтересована в сохранении численности животных — для них важно добыть как можно больше шкурок за сезон охоты. Поэтому эта группа охотников нередко ведет хищнический промысел, надолго подрывая запас пушных зверей.

По разному участвуют охотники той или иной группы в охотничьем хозяйстве. Труд охотников-производственников имеет общественный характер, так как результаты труда, затраченного на благоустройство охотничьих угодий и воспроизводство животных, скажутся не только в текущем году, когда фактически проводятся соответствующие мероприятия, но и в последующие годы. Охотники-непроизводственники не участвуют полностью в охотхозяйственном производстве, занимаясь лишь добыванием животных. Поэтому труд их приобретает индивидуальный характер.

Разная степень участия производственников и непроизводственников в общественном производстве не находит отражения при сдаче ими пушнины заготовительным организациям, ибо все охотники получают ее заготовительную стоимость, выступающую в форме своеобразной заработной платы. Тем самым нарушается социалистический принцип распределения доходов по количеству и качеству труда, вложенного в общественное производство.

Наряду с тем нарушается принцип равной оплаты за равный труд. Это проявляется в том, что охотник—производственник—член колхоза получает за свой труд меньше, нежели охотник-непроизводственник, использующий охоту с целью «личного обогащения». Так происходит потому, что за добытую охотниками колхозниками пушнину деньги получает колхоз по заготовительным ценам, выступающий не как охотхозяйственное предприятие, а как коллективный охотник. Подробнее об этом будет сказано несколько ниже.

Указанный порядок оплаты труда охотников сохранился с давних времен.

В первые годы существования Советской власти были приняты меры к восстановлению и регулированию численности охотничьих животных. Но труд охотника по-прежнему оставался трудом добытчика и сводился

лишь к промыслу зверя с целью получения шкурки или иной продукции. Вступая во взаимоотношения с заготовительными организациями, охотники продавали им свой товар, за что получали соответствующую сумму денег в виде заготовительной цены.

Таким же образом до организации колхозов крестьяне-единоличники продавали государству хлеб и другую продукцию.

По мере изменений, происходивших в нашей стране в сфере общественного производства, менялись формы оплаты труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

В охотничьем хозяйстве система оплаты труда, несмотря на коренные качественные изменения происходившие в отрасли, осталась прежней. Применяемая система оплаты труда рассчитана на индивидуальный труд охотников, когда каждый из них лично производит продукцию и продает ее за ту или иную сумму денег.

Такое ненормальное положение, противоречащее сущности социалистического охотничьего хозяйства, оказалось возможным потому, что эта отрасль народного хозяйства до сих пор не имеет своего настоящего хозяина.

Такое положение существует потому, что, несмотря на ярко выраженный общественный характер охотхозяйственного производства, ни по форме, ни по юридическому положению новое качественное состояние его в нашей действительности не отражено.

В этом можно убедиться на основании нижеследующей краткой характеристики действующих в настоящее время охотхозяйственных предприятий: районных заготовительных контор потребительской кооперации (РЗК), кооперативных охотпромхозов, колхозных охотничьих хозяйств и добровольных спортивных обществ охотников.

1. Более-менее удовлетворяют понятию «предприятие» лишь охотпромхозы, но действуют они на сравнительно небольшой площади охотничьих угодий страны. Охотпромхозы—специализированные охотничьи хозяйства, имеющие закрепленные за ними охотничьи угодья и постоянную рабочую силу—штатных охотников. Охотпромхозы полностью осуществляют охотопроизводствен-

ный процесс, в результате чего получают продукцию, реализуемую по установленным государством ценам. Штатным охотникам охотпромхоз выплачивает заработную плату в зависимости от характера выполняемой ими работы.

2. К колхозным охотничьим хозяйствам относятся сельскохозяйственные артели, где охота является главной или одной из главных отраслей колхозного производства. Внешним признаком колхозного охотничьего хозяйства служит заключаемый колхозом с заготовительной организацией «прямой договор», по которому колхоз берет на себя обязательство своими силами поставить райконторе определенное количество пушнины.

Колхозное охотничье хозяйство действует на своих охотничьих угодьях силами членов колхоза. В большинстве таких сельхозартелей доходы от реализации продукции охоты «обобществляются» — поступают в колхоз, а затем распределяются по трудодням.

В отличие от других отраслей колхозного производства, охота почему-то не всегда расценивается как отрасль хозяйства, а считается частным делом охотников. Поэтому доходы «обобществляются» по разным колхозам в разных размерах от 25 до 100%.

Колхозы, занимаясь охотхозяйственной деятельностью, имея средства производства (охотничьи угодья, орудия лова, транспорт и т. д.) и рабочую силу, являются или должны быть не только добытчиками, но и производителями пушной продукции. Поэтому юридически и экономически они должны пользоваться такими же правами, как специализированные охотничьи хозяйства — промхозы. Колхоз имеет право получать за пушную и прочую продукцию охоты такую же цену, как охотпромхоз. Фактически при расчетах колхоз выступает не как охотхозяйственное предприятие, а как коллективный охотник, получая от РЗК за сдавшую пушнину ее заготовительную стоимость также, как любой охотник.

При наличии «прямого договора» РЗК выплачивает колхозу паценку на заготовительную стоимость пушнины в размере 8% (в северных районах 20%). Эти средства предназначаются на покрытие расходов колхоза по организации промысла. Осуществлять охотустройство-

ные и охотхозяйственные мероприятия, без чего немис- лимо правильное, рациональное ведение охотничьего хо- зяйства, колхозы за счет 8-процентных начислений не могут.* Заготовительные организации, реализуя пушни- ну предприятиям промышленности, получают наценку в зависимости от района в размере от 23 до 34 процентов, сверх того им возмещаются транспортные расходы и стоимость тары.

Разница в ценах на пушнину, получаемых заготоворга- низациями от пушных баз и колхозами от заготоворгани- заций, присваивается последними за посредническую де- ятельность по сбыту пушнины. Расходы же эти невелики. Так, например, по Изюмской РЗК Харьковской области они составляют тысячные доли процента по отношению к сумме, на которую заготавливается пушнина.

Говорить серьезно о затратах потребкооперации на охотустроительные или охотхозяйственные мероприятия, которые имели бы существенное значение для колхозных охотничьих хозяйств конкретных районов, нельзя. В 1950 году на охотустройстве Авамского района, Таймыр- ского национального округа было отпущено 1400 руб- лей, в том числе 400 рублей на истребление хищников и 100 рублей на подкормку песцов.

И это на район площадью 78 тыс. кв. км., колхозы ко- горого ежегодно в среднем сдают пушнины на 1 млн. рублей в заготовительных ценах. Таким образом, на производство (а не заготовки) пушной продукции потре- бительская кооперация затратила средств в размере 0,14% от суммы полученного дохода.

Проводимые потребкооперацией работы по учету численности животных и их акклиматизации и реаккли- матизации нередко не вызываются необходимостью в то время, как весьма важные мероприятия не осущест- вляются. По тому же Авамскому району в 1950—51 гг на акклиматизацию ондатры было израсходовано около 30 тысяч рублей. И это в то время, когда более полови- ны песцовых угодий не осваиваются, а запасы песца остаются неизвестными, так как учет его не проводится.

* По «договору содействия», не неся никакой ответственности за состояние охотничьего хозяйства и разрешая лишь отходничес- тво на охоту членам колхоза, последний получает 4-процентную наценку.

Колхозные охотничьи хозяйства поставлены в неблагоприятные экономические условия по сравнению с охотпромхозами и РЗК, что не создает материальной заинтересованности их в ведении культурного охотничьего хозяйства.

Ясно, что настало время юридически и практически приравнять охотхозяйственную отрасль к другим отраслям колхозного производства, обеспечив возможность колхозам получать доход от реализации продукции охоты наравне с охотпромхозами.

По сравнению с другими категориями охотников, охотники-производственники—члены сельхозартелей, где доходы от охотничьего хозяйства «обобществляются», материально ущемлены. Поясним сказанное конкретным примером.

В I квартале 1950 года в колхозе им. Сталина Авамского района на промысел вышли 14 охотников. За сезон ими было добыто пушнины на 46 607 рублей. Доход от пушнины поступил в колхоз и вместе с начислениями 8% выразился в сумме 51 335 рублей.

Согласно Уставу с/х артели около 27% всех доходов северных колхозов отчисляются в неделимый и другие фонды. На распределение по трудодням дохода от охотничьего хозяйства за I квартал 1950 г. колхоза им. Сталина после отчислений осталось 37 332 рубля.

Если допустить, что доход от охотничьего хозяйства распределяется между охотниками, фактически принявшими участие в производстве продукции охоты, то каждый из 14 человек получил бы по 2666 рублей.

Если бы охотники не были членами колхоза, то заготовительная стоимость пушнины или 46607 рублей была бы выдана им на руки, что составило бы по 3329 рублей на человека.

Спрашивается, почему охотник-колхозник, лицо непосредственно заинтересованное в развитии охотничьего хозяйства, получает меньше за свой труд, нежели не член колхоза и даже не производственник, нередко являющийся хищником в охотничьем хозяйстве?

Ввиду существующего ненормального положения, недостаточной материальной заинтересованности колхозов и колхозников-охотников, колхозное охотничье хозяйство развивается медленными темпами. К тому же, как пра-

вило, охотхозяйственные колхозы не проводят никаких охотустроительных и биотехнических мероприятий, необходимых в хозяйстве. При расчетах колхозов с охотниками либо часть заработанных охотником-колхозником денег распределяется между другими колхозниками, либо колхоз оплачивает охотников в соответствии с заготовительными ценами, используя для оплаты труда и ту наценку (8%), которую РЗК выплачивает специально для организации промысла.

Повышение наценки на пушнину в северных районах до 20% улучшает положение, так как укрепляет экономику колхозов, но до конца проблему не решает, поскольку не конкретизирует правового положения колхозных охотничьих хозяйств и их ответственности за состояние охотничьего хозяйства.

3. Районная заготовительная контора — своеобразное хозяйство, не имеющее своих охотничьих угодий и, как правило, постоянных кадров охотников. В основном производственная деятельность РЗК сводится к заключению договоров с охотниками (или колхозами, как группой охотников), приемке и сбыту охотничьей продукции.

Надо отметить, что существующая система договоров заготовителей с охотниками устарела, и договор носит чисто формальный характер. Такие пункты договора, как обязательство добыть то или иное количество пушных зверей, систематически нарушаются и это принимается как должное. Никаких неустоек за невыполнение договоров колхозы не выплачивают. С другой стороны, нередко нарушают свои договорные обязательства и заготконторы. Так, Чунская РЗК в течение последних двух лет не выплачивала колхозам 4-процентную наценку, обусловленную договором содействия. Нам неизвестно ни одного случая, когда одна из сторон, заключивших договор, обратилась бы в суд на предмет взыскания за невыполнение пунктов договора. Нередко РЗК принимает пушнину от охотников, с которыми вообще не имеет никаких договоров.

Уровень заготовительных цен, равно размер начислений и премий за перевыполнение плана устанавливается в законодательном порядке и в подтверждении договором не нуждается.

Договор не предоставляет права на охоту (это право дает охотничий билет), в равной степени не служит документом, дающим право на сдачу пушнины. Пушнина является государственным достоянием и должна быть принята от любого гражданина, добывшего ее в охотничьих угодиях. Если охотник имеет охотничий билет, ему оплачивается заготовительная стоимость пушнины, то есть затраченное им рабочее время. В случае отсутствия охотничьего билета, временный владелец пушнины считается браконьером, продукция охоты у него конфискуется, а виновный привлекается к уголовной ответственности.

РЗК не является специализированным охотхозяйственным предприятием. Она занимается, главным образом, заготовками охотничьей продукции. Лицо райконторы, как охотхозяйственного предприятия, выражается лишь в том, что в штате ее числится охотовед или охот-организатор, и периодически проводятся некоторые охот-устроительные и охотхозяйственные мероприятия. Совершенно ясно при этом, что осуществление указанных мероприятий на незакрепленной территории по существу носит чисто формальный характер.

Дальнейшая деятельность РЗК, как охотхозяйственных предприятий в том виде, как это имеет место, в настоящее время не может быть целесообразной. Там, где это возможно, всю охотхозяйственную деятельность должны осуществлять колхозы или специализированные охотничьи хозяйства. Лишь в крайнем случае охотхозяйственные функции могут быть оставлены за РЗК, но тогда за ней должны быть закреплены охотничьи угодия и представлено право иметь постоянную рабочую силу—штатных охотников. Руководить подсобной отраслью райзаготконторы—охотничьим хозяйством—должен охот-овед.

4. Во многих районах, преимущественно европейской части Союза, добровольные спортивные общества охотников имеют охотничьи угодия и проводят на них охот-устроительные и прочие мероприятия. В распоряжении добровольных обществ имеется всеобразная, подчас значительная армия охотников-любителей. Добровольное спортивное общество охотников является производителем охотничьей продукции, начи-

ная от выращивания животных и кончая их добыванием. Но в силу установившейся традиции общества охотников лишены права заготовок охотничьей продукции, либо заготавливают ее на котрагентских началах с 5-процентной наценкой, почему, как правило, охотники-любители сдают пушнину Потребкооперации. Последняя, реализуя продукцию, получает доход, почти не затрачивая средств для его приобретения.

Логично было бы передать права заготовок и реализации пушной продукции в районах, где они имеют основное значение в охотничьем хозяйстве, обществам охотников, что значительно повысило бы их материальную заинтересованность в его развитии.

В своей статье мы сделали попытку осветить некоторые экономические особенности хозяйственной отрасли. Не претендуя отнюдь на разрешение всех чрезвычайно сложных вопросов развития этой отрасли народного хозяйства, мы тем не менее считаем возможным на основании изученного фактического материала сделать выводы и сформулировать некоторые предложения:

1) В охотничьем хозяйстве до настоящего времени имеет место частное присвоение общественного богатства—государственного охотничьего фонда, когда охотой с целью получения дохода занимаются отдельные граждане. Это в корне противоречит двум формам собственности при социализме: государственной и колхозно-кооперативной.

Охотничьи угодия у нас принадлежат государству, часть их передана в пользование колхозам, кооперативным и, на правах приписки, общественным организациям. Поэтому право эксплуатации этих угодий с целью получения продукции может быть предоставлено лишь организациям: государственным или кооперативным охотничьим хозяйствам, добровольным спортивным обществам охотников, колхозам.

В тех районах, где охота является ведущей или одной из ведущих отраслей колхозного производства, охотхозяйственными предприятиями должны быть сельскохозяйственные артели.

В районах, где охота имеет важное значение в жизни населения и экономике района, но колхозы не могут сочетать охотничье хозяйство с другими отраслями кол-

хозного производства, должны быть организованы государственные или кооперативные специализированные охотничьи хозяйства.

В районах, где охота не имеет для населения значення источника средств существования и носит спортивный характер, охотхозяйственной деятельностью должны заниматься добровольные спортивные общества охотников.

2) Заготовка и сбыт пушнины, основной продукции охоты не требует строительства специальных производственных сооружений, сколько-нибудь значительных капитальных затрат, особой специализации.

В связи с этим нет необходимости иметь специальных заготовителей пушнины, да и другой продукции охоты, в лице Потребкооперации.

Многие колхозы и добровольные спортивные общества с успехом заготавливают пушнину и отправляют ее на пушные базы.

Было бы закономерно, если бы колхозные охотничьи хозяйства и добровольные спортивные общества получили право заготовок и сбыта охотпродукции, наряду с предприятиями Потребкооперации.

В этом случае, все охотхозяйственные предприятия должны получать от реализации продукции полный доход и соответственно полностью выполнять все охотхозяйственные и биотехнические мероприятия.

3) Охотхозяйственная деятельность предприятий должна контролироваться и регулироваться органами управления охотничьим хозяйством. В Российской Федерации в настоящее время таким органом является Главное Управление охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР. В областях (краях и автономных республиках) они представлены Госохотинспекциями при обкрайисполкомах.

Система управления охотничьим хозяйством должна быть распространена далее на районы. В составе инспекций по сельскому хозяйству необходимо наряду с другими специалистами сельского хозяйства иметь главных охотоведов.

Помимо этого охотоведы, как специалисты охотничьего хозяйства, должны работать во всех охотхозяйственных предприятиях.

Должность охотоведа или чаще охоторганизатора в

райзаготконторах становится в этом случае излишней. Кстати говоря, в настоящее время в райзаготконторах охотоведы в большей степени занимаются заготовками разных видов сельскохозяйственной продукции и сырья, нежели своим прямым делом—охотничьим хозяйством.

4) Право охоты на территории охотхозяйственных предприятий должно предоставляться только с их разрешения. При этом основным контингентом охотников должны быть: в колхозах—члены колхоза, в охотпромхозах—штатные охотники, в добровольных спортивных обществах—члены местного общества охотников.

При недостатке рабочих рук, что может привести к недоиспользованию охотничьих угодий, могут привлекаться для промысла другие охотники, которые будут работать по трудовому соглашению.

5) Оплата труда охотников должна производиться в соответствии с установленным уровнем заработной платы.

В охотпромхозах и добровольных спортивных обществах, видимо, в ближайшем будущем целесообразно сохранить оплату по заготовительным ценам.

В колхозных охотничьих хозяйствах (то есть колхозах, где охота является отраслью общественного производства) все охотники, члены колхоза и прочие, должны оплачиваться в соответствии с принятыми в колхозе расценками.